

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ. НОВОМУЧЕНИКИ И ИСПОВЕДНИКИ ЦЕРКВИ РУССКОЙ

РЕПРЕССИИ 1937–1940-х ГОДОВ В ТАМБОВСКОЙ ЕПАРХИИ

Священник Георгий Тарасов
преподаватель Тамбовской духовной семинарии

Аннотация: В статье описан период репрессий против духовенства и мирян 1937 года, жизнь Церкви на Тамбовщине до начала Великой Отечественной войны. Отдельные эпизоды, предложенные в статье, связаны с репрессиями епископата, служившего в то время в г. Мичуринске и г. Моршанске.

Ключевые слова: архиепископ Венедикт (Алентов), епископ Аполлос (Ржаницын), церковные «контрреволюционные подпольные группы и церковно-монархические повстанческие организации», репрессии 1937 года, допросы, возвращение из ссылки, духовная потребность и возрождение.

В истории Русской Православной Церкви, вероятно, не было более тяжелого периода, чем вторая половина 1930-х годов. С одной стороны, это время самых яростных гонений на нее извне, по своей ожесточенности ничуть не уступающих гонениям первых веков христианства. С другой стороны, этот период ознаменован нестроениями внутри Русской Церкви.

Мученическая роль, которая была уготована Церкви (ее архиереям, пастырям, верующим) в указанное время, наиболее ярко может быть показана на истории Тамбовской епархии. Подвиг священнослужителей не оценим, ведь именно они в первую очередь стали тем «идеологическим конкурентом», преградой, которую необходимо было уничтожить «большевистским просветителям». Сегодня людская память о репрессиях и расстрелах

на Тамбовской земле в 1930-е годы увековечена в установленных мемориальных памятниках и знаках, но особую значимость эта память должна найти в глубоких исторических исследованиях и духовно-просветительской работе. Это актуализирует затронутую в данной работе тему.

В сложившейся историографии истории Русской Православной Церкви исследователи особый акцент делают на сложный 1937 год. Что же происходило на Тамбовской земле в указанное время? Продолжалась ли духовная жизнь? С чего был дан старт возрождению епархии?

Руководство СССР на протяжении 1930-х годов следило за настроением провинций, проявлением, как оно считало, «свободолюбия» и открытого выражения «своих» взглядов. Особую категорию лиц, сеявших в умах народа специфические стереотипы и настрой против власти, представляли классово-враждебные элементы – «враги народа».

С середины 1937 года началась кампания по разоблачению врагов народа из среды интеллигенции, рабочих и крестьян в рамках реализации приказа НКВД СССР от 30 июля 1937 года № 00447. В категорию лиц, подлежащих ликвидации, наряду с бывшими дворянами, помещиками, буржуазными элементами, чиновниками, офицерами царского времени и их детьми, бывшими участниками «белого движения» и их детьми, бывшими кулаками и подкулачниками, участниками антисоветских восстаний, бывшими партийными оппозиционерами записали служителей религиозного культа. Те из священно- или церковнослужителей, кто каким-либо образом избежал преследований ранее, и те, кто уже отбыл предыдущий срок, подлежали аресту. На места были отправлены соответствующие инструкции по определению степени их благонадежности. Жизнь приходов до этого контролировалась инспекторами по наблюдению и негласными осведомителями НКВД, которые обязаны были докладывать обо всех особенностях церковной жизни, даже о том, куда расходятся деньги, полученные за просфоры и свечи, теперь же при малейшем подозрении в нарушении установленных правил религиозной деятельности или по любому нелепому доносу (за выслугу или награду, ради самосохранения или по принуждению), священно- и церковнослужителей арестовывали, а храм закрывали.

Арестованным предъявляли самые невероятные обвинения в шпионаже, саботаже, терроре, в создании контрреволюционных подпольных групп и церковно-монархических повстанческих организаций. Однако истинными причинами ареста могли быть сопротивление попыткам властей отобрать храм под засыпку зерна, закрытие храма, поминовение за молитвой ссыльных архиереев и царской семьи¹. Попраание правовых гарантий свободы вероисповедания осуществлялось «выбиванием» из священников тайны исповеди.

Типичные процессы по обвинению священно- и церковнослужителей были проведены в городах Мичуринск, Моршанск, Кирсанов. В Мичуринске в 1937 году было заведено дело «церковно-монархической повстанческой организации», по которому правящий архиепископ Венедикт (Алентов) проходил в качестве «идейного вдохновителя и организатора». Его «контрреволюционные проповеди» способствовали сплочению всех церковных организаций на Тамбовщине под единым флагом, что было недопустимым в преддверии выборов в Советы народных депутатов. Вместе с ним по делу проходили клирики Ильинской церкви: протоиерей Матфей Казарин (священномученик), священники Александр Попов и Яков Павперов, диакон Константин Боголюбов и иеромонах Иларион (Орлов), работавшие псаломщиками Ильинской церкви, а также клир храма². Более 8 месяцев следствия закончились приведением в исполнение высшей меры наказания – расстрела в г. Тамбове. Впоследствии в докладной записке Н.И. Ежова И.В. Сталину сообщалось, что ликвидированная в Тамбовской области «организация церковников» ставила своей задачей «завоевать политические свободы для Церкви, получить право созыва съездов, издания церковной литературы, открытия специальных духовных учебных заведений и проч.»³. Практически сразу после ареста владыки и всех священников здание Ильинской церкви

¹ Плякин М., Бортновская-Медокс Ю. Жизнь и мученичество протоиерея Михаила Сошестввенского // ЖМП. 2006. № 5. С. 55.

² Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в. [Электронный ресурс] : база данных / Православ. Св.-Тихон. Гуманитар. Ун-т, Братство во Имя Всемилостивого Спаса. URL: <http://kuz3.pstbi.ru> (дата обращения: 20.12.2014).

³ Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009. С. 407–414.

было передано мастерским по ремонту тракторов, а во время войны здесь ремонтировали танки. Верхний этаж пустовал.

В августе 1937 года, перед своим отбытием на новое место назначения (г. Тула), подвергся заключению служивший в городе Моршанске епископ Аполлос (Ржаницын). Обвинили владыку также в «контрреволюционной деятельности», но он отказался признать себя виновным. Решением «тройки» УНКВД по Воронежской области от 14 сентября 1937 года он был приговорен к расстрелу. С этого момента прекратило свое существование Моршанское викарлатство, а уже до конца года был закрыт и последний его храм. Вместе с владыкой были арестованы благочинный и настоятель храма слободы Базево священник Николай Никифоров, архимандрит Иоанникий (Жарков) и еще 13 городских священнослужителей, монахов и мирян. Обвинили всех в создании контрреволюционной церковно-монархической группы, в вину которой ставилось распространение провокационных слухов о войне, искажение в контрреволюционном духе Конституции СССР, восхваление капитализма, клевета на политику ВКП (б) и советской власти, восхваление врагов народа⁴.

4 сентября 1937 года авторитетный епископ Иоанн (Георгиевский) был арестован ночью Моршанским райотделением УНКВД. Постановлением заседания «тройки» УНКВД от 14 сентября 1937 года владыка Иоанн был осужден по ст. 58–10 УК РСФСР, приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведен в исполнение 21 сентября 1937 года.

Чтобы окончательно изъять в Моршанском районе Тамбовской области «контрреволюционный элемент» (в рамках реализации приказа НКВД СССР от 30 июля 1937 года № 00447), было задержано несколько десятков священников, монахинь и верующих, объединенных по нескольким контрреволюционным церковно-монархическим группам. В архиве УФСБ ТО следственный процесс над группой из 20 человек содержится в деле священника Феодоровской церкви г. Моршанска Михаила Альбицкого. Всех подследственных арестовали прямо во время службы в храме. По делу проходили также несколько монахинь, староста церкви И.А. Иванов. Как было установлено, группа систематически

⁴ Озарнов И.А., Федосеева Н.Л., Левин О.Ю. Моршанск православный. Тамбов, 2010. С. 112, 118–119.

устроивала свои «контрреволюционные сборища», на которых проводилась агитация против политики ВКП (б) и советской власти, высказывались клеветы на вождя партии и террористические намерения в отношении коммунистов. Обвиняемые вину в этих деяниях не признали, более того, свидетели, привлеченные по делу, протоколы своих допросов подписали по настоянию следователя, не зная истинное их содержание. Дополнительное расследование по данному делу было проведено в 1939 году, когда приговор о высшей мере в отношении пятерых священников, в том числе и Михаила Альбицкого, был приведен в исполнение (1 февраля 1938 г.), а остальных обвиняемых уже отправили к месту отбытия наказания. Дело объединило и оставшихся на свободе монахинь, в первой половине 1930-х годов не охваченных арестами по делу «контрреволюционной церковной организации», возглавляемой иеромонахом Мефодием (Коковихиным), так называемых «Мефодиевцах»⁵.

В 1937 году был арестован и настоятель кладбищенской Космодамиановской церкви в г. Кирсанове протоиерей Михаил Сошественский со всем причтом храма (протоиерей Петр Цыпляковский (8 лет ИТЛ), иерей Владимир Гибралтарский, протодиакон Валерий Миролубов и председатель церковного совета мирянин Николай Степанков)⁶. 23 сентября 1937 года, в один день, те из монахинь, которые еще оставались в городе, были также арестованы, осуждены и приговорены к разным срокам заключения. Из ссылок и лагерей никто из них уже не вернулся.

Не исключено было при допросах применение «незаконных» методов воздействия, то есть избиений, угроз оружием, лишение арестованного сна и иных пыток. Все это разрешалось Секретным постановлением НКВД. Большинство арестованных в начале следствия отказывались от предъявленных им обвинений. Нередко нужных показаний следователь не мог добиться по полгода и более, все это время арестованный сидел в тюремной камере, систематически подвергаясь насилию. Параллельно на него собирался дополнительный «компромат», выбиваемый из других арестованных. Не удовлетворившись этими показаниями, следователи могли привлекать к даче показаний «дежурных» или, как

⁵ Тамбовский мартиролог (1917–1953 гг.) / под общ. ред. С.А. Чеботарева. Тамбов, 2007. С. 84.

⁶ Плякин М., Бортновская-Медокс Ю. Указ. соч. С. 56.

их еще называли, «штатных» свидетелей. Это лица, завербованные НКВД, которые по спецзаданиям писали определенного рода показания или подписывались под протоколами допросов, сочиненными следователем на тех людей, на которых им указывали. И на основании этих показаний человека могли осудить и приговорить даже к расстрелу.

Допросы с пристрастием, заключение в одиночный карцер, принудительные ночные работы применялись к заключенным священно- и церковнослужителям, их родственникам в Моршанской и Тамбовской тюрьмах. Таким пыткам подвергся иерей Николай Костин, арестованный в г. Моршанске в 1937 году. Он через несколько дней допросов «с пристрастием» был отправлен в психбольницу, так как по «их» мнению стал заговариваться⁷. Иерей Павел Гулынин также был отправлен в 1935 году в эту тюрьму, куда его привезли ночью и определили на работу по очистке выгребных ям⁸. Про ужасы пыток, обстановке Тамбовской тюрьмы писал подвергшийся репрессиям в 1937 году бывший помощник начальника политотдела Тамбовской школы гражданской авиации М.С. Розенберг. В своих мемуарах он отмечал, что очень многие из его сокамерников, и он в их числе, подвергались так называемому «конвейеру», когда непрерывно следователи сменяли один другого, не давая уснуть арестанту. Среди заключенных был и сын священника⁹.

Несколько особых слов надо сказать о допросах и преступном насилии в тюрьмах над верующими женщинами. Приведем выдержку из письма к председателю Комиссии особого контроля НКВД при Усть-Выжлаге НКВД монахини Анны (Мячиной), бывшей секретарем архиепископа Венедикта (Алентова), к которой применяли физическую силу и угрозы на допросе: «Угрожая отдать меня, для издевательств над моей женской честью, нескольким мужчинам, следователь Иванов добился моей подписи под вымышленным обвинением против меня и нужных ему лиц». Все

⁷ Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в. [Электронный ресурс] : база данных / Православ. Св.-Тихон. Гуманитар. Ун-т, Братство во Имя Всемилостивого Спаса. URL: <http://kuz3.pstbi.ru> (дата обращения: 20.12.2014).

⁸ Житие иеросхимонаха Павла в западне российского безбожия. М., 2003. С. 51–52.

⁹ Розенберг М.С. Тамбовские странички //... Иметь силу помнить : рассказы тех, кто прошел ад репрессий / сост. Л. М. Гурвич. М., 1991. С. 244–262.

это происходило в тюрьме г. Мичуринска. Таким образом, следователь вынудил монахиню подписать заявление, в котором указывалось, что в городе проводились тайные совещания служителей религиозного культа во главе с владыкой. В своем письме к председателю Комиссии она отказалась от показаний¹⁰.

Чтобы избежать подобных унижений и сохранить жизнь и честь священно- и церковнослужителям, верующим предлагался единственный призрачный шанс – публичное отречение от сана и веры в Бога. Под страхом гонений родственники просили священников это сделать. Из воспоминаний дочери иерея Валентина Ястребцева: «Когда в 1933 году папа вернулся из первой ссылки, как мы его просили, уговаривали, чтобы он отрекся от священнического сана. Ведь мы тогда пострадали все. ... Но отец сказал нам твердо: „Нет, дети, отказаться от сана священника – значит отказаться от Бога. Этого я сделать не могу“»¹¹. Этой позиции придерживалось большинство служителей Православной Церкви. К этому же призывал в своих проповедях Тамбовский архиепископ Венедикт (Алентов): «Если власть потребует от вас отказаться от веры как пережитка, каждый должен претерпеть все мучения и даже смерть»¹². К стойким в вере постоянно наведывались представители местных властей, уговаривали снять сан и пойти работать на обычную работу. Так, в 1939 году неоднократно отбывавшего заключения священника Сергия Любомудрова посещали уполномоченные, просившие его публично отречься от сана, на что отец Сергей отвечал категорическим отказом: «Кладите мне голову на порог и рубите – все равно не отрекусь от Бога, не отрекусь, не отрекусь!»¹³.

Не сомневавшиеся в исходе дел следователи называли обвиняемым имена лжесвидетелей, дававших показания. Судебное производство было упрощено до крайности. Скорый и неправедный суд вершили специально созданные «тройки» – судебные

¹⁰ Бутовский полигон, 1937–1938 : кн. памяти жертв полит. репрессий / Постоян. межведомств. комис. Правительства Москвы по восстановлению прав реабилитирован. жертв полит. репрессий. М., 2003. Вып. 8. С. 68.

¹¹ Свет миру : жизнеописание прот. Валентина Петровича Ястребцева. Тамбов, 2008. С. 20.

¹² Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в. [Электронный ресурс] : база данных / Православ. Св.-Тихон. Гуманитар. Ун-т, Братство во Имя Всемилостивого Спаса. URL: <http://kuz3.pstbi.ru> (дата обращения: 20.12.2014).

¹³ АТЕ. Сообщение УФСБ ТО от 27.05.2002 г. № 10/5–3571.

коллегии из 3-х членов: 1-й секретарь обкома, главный прокурор области, начальник областного управления НКВД. С выходом приказа № 0047 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов» от 30 июля 1937 года они получили право вынесения смертных приговоров. В этом же приказе был установлен лимит на репрессии по территориям. Согласно сводке № 33 ГУГБ НКВД об арестованных и осужденных на основании приказа НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 года (не ранее 1 марта 1938 г.) по Тамбовской области подлежало арестам 3100 человек, из них первая категория – 1100, вторая – 2000 человек¹⁴. Масштабы, которые приобрели репрессии против священно- и церковнослужителей с 1937 по 1941 год были значительными. Так, по «Тамбовскому мартирологу» за этот период фактов репрессий против них насчитывается более 450. По данным А.Я. Занина в Тамбовском регионе с 1935 по 1941 год подвергнуты репрессиям 368 священнослужителей, из них 199 расстреляны в 1937–1938 годы. Эти цифры подтверждают сведения протоиерея Александра Сарычева о том, что из числа арестованных почти половина расстреливалась, так как они относились к наиболее «активным антисоветским элементам»¹⁵.

Здесь пугает заданность цифры (контрольная цифра), выполнение которой зависело от сноровки оперативников. Выполнение контрольных нормативов было под пристальным вниманием, проводились специальные проверки по прокурорской линии, выявлялись нарушения по срокам содержания под стражей. Так, в 1937 году по произведенной проверке в Мичуринской и Тамбовской тюрьмах выяснилось, что более 60% подследственных заключенных содержались более двух месяцев, что по обстоятельствам времени было недопустимо и необходимо было исправить¹⁶.

Исполнение расстрельных приговоров зачастую проходило на территории городов. Современное здание областного

¹⁴ Трагедия советской деревни : коллективизация и раскулачивание, 1927–1939 : документы и материалы : в 5 т. / под ред.: В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2006. Т. 5, кн. 2. С. 59.

¹⁵ Занин А.Я. Идут века : (хроника трагедии тамбовских крестьян). Тамбов, 2011. С. 184 ; Сарычев А., прот. Репрессии 1930-х // ТЕВ. 2009. № 2. С. 42–43 ; Тамбовский мартиролог (1917–1953 гг.) / под общ. ред. С.А. Чеботарева. Тамбов, 2007.

¹⁶ ГАСПИТО. Ф. Р-1045. Оп. 1. Д. 410. Л. 52.

управления МЧС, бывшее здание Тамбовского ГПУ (ул. Советская, 64), территория Казанского мужского монастыря, подвал СИЗО-1 (Северная площадь), дворец бракосочетания (ул. Интернациональная, бывший дом адвоката Селезнева, где заседала Полномочная комиссия ВЦИК РСФСР; в подвале находилась тюрьма), а также ряд других современных достопримечательностей в Тамбове были местами расстрела приговоренных священников и верующих, которых затем хоронили на территории Ахлябиновской рощи, в парке кардиологического санатория, в овраге вдоль восточных границ Петропавловского кладбища¹⁷. Места массовых расстрелов и захоронений отмечены на картах городов Мичуринск (городское кладбище у Скорбященской церкви) и Моршанск (площадь возле Троицкого собора; овраг «Рясловки» близ Куликовских бугров; сад купца Томилина; городское купеческое кладбище, братская могила на Заречной слободе – окраина г. Моршанска и др.)¹⁸. Могилы тамбовских мучеников, исповедников можно найти в разных местах России и за ее пределами: под г. Архангельском, под г. Мурманском, в Сибири и Казахстане, куда «тройки» отправляли осужденных по статье 58 УК РСФСР на сроки от 3-х до 10-ти лет¹⁹.

К началу 1940-х годов большинство священнослужителей томились в ссылках и лагерях. Из-за отсутствия священника из 5000 православных обществ на старых территориях 90% не действовало. Несколько тысяч из 9 тысяч молитвенных зданий Русской Православной Церкви, которые были взяты на учет осенью 1936 года на территории СССР, использовались не по прямому назначению: в самовольном порядке здание изымалось у верующих, например, для хранения зерна; под различными надуманными предлогами здания объявлялись «аварийными», и таким образом в них запрещалось проводить богослужения.

Неудовлетворенность идеологов антирелигиозного фронта проводимой кампанией по закрытию молитвенных зданий приводила к тому, что во многих регионах прошли акции массового обследования церквей. Так, в 1938–1940 годах на Тамбовщине после

¹⁷ В 1991 году для увековечения памяти жертв сталинских репрессий на Петропавловском кладбище г. Тамбова был открыт мемориальный памятник «Крест ГУЛАГа».

¹⁸ Сарычев А., *прот.* Указ. соч. С. 44.

¹⁹ Свет миру. С. 11–15, 25, 10.

произведенного осмотра церквей большая их часть была закрыта. Только в 1939 году при помощи Союза воинствующих безбожников (СВБ) было закрыто 95 церковных зданий, в 1940 году этот список увеличился еще на 78 храмов, часть из них была утрачена безвозвратно²⁰.

Исправить катастрофическое положение не помогли ни меры, предпринятые в конце 1930-х годов Комиссией по вопросам культов, ни официальные жалобы верующих, ни отчаянные попытки народа отстоять силой «свою церковь»: законными (сбор подписей был организован жителями сел Коптево и Арженка Рассказовского района в 1936 г.) и незаконными (самовольное открытие церкви в селе Хитрово Рассказовского района в 1936 г.) методами²¹.

Механизм закрытия был прост и зачастую происходил на бумаге: общее собрание жителей села требовало «покончить с вековечным дурманом», церковная двадцатка заявляла об отказе от использования церковного здания (большей частью из-за ареста большинства ее членов), а сельсоветы на основании этого ходатайствовали перед вышестоящими инстанциями о закрытии церквей, те, разумеется, шли навстречу. Впрочем, в жизненных реалиях не обходилось без явного фарса, когда за закрытие церкви голосовали на собраниях коммунистов и комсомольского актива. На основе этого местным сельсоветом и принималось окончательное решение.

Ускорение процессу придавала острая нуждаемость в строительном материале (в Тамбове и его окрестностях не было кирпичных заводов, которые бы выпускали достаточное количество кирпича; кроме того, качество приобретаемого кирпича оставляло желать лучшего), поэтому многие здания церквей и принадлежащие им хозяйственные постройки шли под снос, а материалы, получаемые таким образом, использовались для вторичной застройки (кирпич со сломанных церковных ограждений в селах Терновом и Кочетовка и Хоботовского района использовался как стройматериал)²².

²⁰ Бельх М. Сказания о Козловских храмах. Липецк, 1998. С. 14; Кученкова В. Святые Тамбовской епархии. М., 1993. С. 5, 98, 181.

²¹ Демократия... под надзором НКВД: обсуждение проекта Конституции 1936 г. // Неизвестная Россия. XX век: в 4 кн. / сост.: В. А. Козлов, С. М. Завьялов. М., 1992. Кн. 2. С. 280.

²² ГАТО. Ф. Р-3443. Оп. 1. Д. 243-в. Л. 185.

В конце 1930-х годов постепенно начали возвращаться из ссылок и тюрем священно- и церковнослужители (вернулось не более 20% осужденных). Они смогли выдержать все ужасы лагерной жизни и сохранить человеческое достоинство только благодаря продолжению своей духовной жизни. Но после возвращения из лагерей, не имея возможности служить, большая их часть устраивалась работать подсобными рабочими. Среди них иеромонах бывшей Вышинской пустыни Пантелеимон (Дерябин), арестованный еще в 1933 году, вернулся в 1937 году после отбытия срока и устроился в г. Моршанске сторожем на водопроводе и в швейной мастерской. Иерей Иван Архангельский работал с 1939 года в Моршанском тубдиспансере дворником и завхозом²³. В Мичуринске на фабрику «Союз-утиль» грузчиком в дезинфекционную камеру поступил работать протоиерей Александр Лебедев (впоследствии архиепископ Рижский и Латвийский Филарет, погребен у алтаря Скорбященского храма в г. Мичуринске). Как вспоминает о нем дочь, «жить было очень трудно, папа зарабатывал очень мало. Работал грузчиком, перевозчиком на р. Воронеж, брался за любую работу. Чинил заборчики, колол дрова, убирал дворы. Стали появляться верующие знакомые. Узнав, что папа священник, начали обращаться к нему с просьбами, тайком, что приносило папе большую радость»²⁴.

Новая волна арестов, начавшаяся в начале 1940-х годов, не была столь значительной. 11 ноября 1939 года было принято решение Политбюро ЦК ВКП(б) «Вопросы религии», признавшее нецелесообразность практики массовых арестов служителей Русской Православной Церкви органами НКВД СССР²⁵. СВБ прекратил вербовку в свои ячейки, лекторы Союза переключились на антифашистскую тематику, были закрыты крупные антирелигиозные

²³ Левин О.Ю., Просветов Р.Ю., Алленов А.Н. Кирсанов православный. М., 1999. С. 143–144 ; Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в. [Электронный ресурс] : база данных / Православ. Св.-Тихон. Гуманитар. Ун-т, Братство во Имя Всемилоостивого Спаса. URL: <http://kuz3.pstbi.ru> (дата обращения: 20.12.2014).

²⁴ Гирич А., прот. Служение святителя Луки (Войно-Ясенецкого) на Тамбовской кафедре (1944–1946 гг.) [Электронный ресурс] : диплом. работа по предмету «История Русской Церкви» / Моск. правосл. духов. акад. М., 2011 // Святитель Лука (Войно-Ясенецкий) : [сайт]. URL: <http://luka.kasdom.ru> (дата обращения: 11.09.2013).

²⁵ Иванченко С.В. Правовое регулирование взаимоотношений государства и Русской Православной Церкви в СССР : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 20.

периодические издания «Антирелигиозник» и «Безбожник». Действительно, разгром Церкви как организации и масштабные гонения были уже не целесообразны, вся основная «работа» была проведена: епархий как административных единиц не существовало, осталось в живых и правящих архиерея из более чем 200 на период конца 1920-х годов и еще около десяти уцелевших, находившихся на покое или служивших как настоятели приходов, продолжали существовать несколько сот приходов из многих тысяч (от 150 до 400). Церковь практически ушла в катакомбы. Дальнейшему развитию репрессий помешала Великая Отечественная война.

Тамбовская епархия понесла значительные потери духовенства в годы гонений. Однако внешний разгром церковной организации не привел к желательным для советских властей результатам. С уничтожением большей части духовенства не исчезла потребность колоссального количества людей в религиозной вере, она лишь принимала другие формы. Теперь женщины, в основном пожилого возраста, и вернувшиеся из лагерей и ссылок священнослужители определяли дальнейшую жизнь Церкви на местах. Проявив бесстрашие, стойкость, женщины сопровождали своих пастырей, обеспечивали «подпольную» и явную церковную жизнь и службу. Огромная роль принадлежала изгнанным из монастырей монахиням, так называемым «черничкам», несшим подвижническую жизнь в миру. С этого времени в начале 1940-х годов началось легальное возрождение Русской Церкви, в т.ч. и в Тамбовской епархии.